

Предисловие

Дорогие читатели! Хочу вам признаться, что мой любимый персонаж — доктор Ян Александрович Колдунов. Впервые он появляется в книге «Повод для знакомства» разочарованным сорокалетним циником, опытным хирургом с разрушенной карьерой, несложившейся личной жизнью и проблемами с алкоголем. У него осталось только одно положительное качество — он любит свою работу и спешит на помощь людям, и это помогает ему удержаться, а затем и выправиться, сделать шаг навстречу своей любви.

Сейчас мне хотелось бы рассказать о его молодых годах, о том, что с ним происходило сразу после окончания Военно-медицинской академии.

Ваша Мария Воронова

Глава первая

После возвращения в Ленинград Ян Колдунов поселился возле станции метро «Звездная». Теперь, чтобы попасть на службу, приходилось кататься в метро, а не просто перебежать через двор, как в былые годы, и случались дни, когда над районом висел густой тоскливый запах жженных костей с мясокомбината, но Ян все равно не жалел, что отказался от казарменной жизни, надоевшей ему за шесть с половиной лет.

Впрочем, эту квартирку в унылой пятиэтажке, похожей на коробку из-под обуви, смело можно было считать если не филиалом, то метастазом общаги Военно-медицинской академии. Пожилой ипохондрик Михаил Яковлевич сдавал курсантам свою трехкомнатную распахонку очень недорого, зато всегда имел доступ к первоклассному медицинскому обслуживанию. В одной маленькой комнатке жили Ян с второкурсником Васей Лазаревым, напротив обитал гигант Витя Зейда с молодой женой

Яной, а проходная считалась общей, там ужи-
нали и смотрели телевизор.

Витя с женой, которой Колдунов симпатизи-
ровал, как тезке, жили дружно, но странно. То
уезжали к родителям Яны с твердым намерени-
ем остаться там навсегда, но через пару недель
Зейда привозил заплаканную супругу обратно.
Женское присутствие смягчало суровый спар-
танский быт молодых воинов, но стоило при-
выкнуть не разбрасывать носки и не материть-
ся, как Яна начинала тосковать по родителям,
и чета отбывала в фамильный замок, а в комна-
ту, чтобы не простаивала зря, поселялся Дима
Лившиц — длинный, «узкий» и мечтательный
пятикурсник. Первое время он по возвращении
хозяев безропотно исчезал обратно в общагу,
а теперь, чтобы лишний раз не гонять туда-сюда,
пережидал рецидив в общей комнате на диване.

Такой кочевой жизни оставалось максимум
пара месяцев, ибо в январе ожидалось появ-
ление на свет Зейды-младшего. Супруги ко-
лебались, где же им все-таки бросить якорь,
а Ян вдруг понял, что перспектива делить кров
с младенцем не пугает его так, как должна бы.

Да, крики, да, пеленки, да, никаких гостей
и пьянок, но после шести лет скитаний начи-
нает казаться, что семейный уют — стоящая
штука, ради которой можно потерпеть. Больше
того, голову начали посещать мысли, что пора

бы не греться у чужого семейного очага, а зажечь свой собственный. Только трудно найти подходящую невесту, когда все силы посвящаешь работе...

Именно об этом размышлял Ян, глядя в черное декабрьское окно, в котором, как в зеркале, отражались белые шкафчики крохотной кухни, его собственная унылая физиономия и крепенький бодрый Вася с расписным чайником в руках. В отражении казалось, что жар-птица на круглом фарфоровом боку трепещет, готовясь полететь.

— Что там наши рекуррентные, не знаешь? — спросил Ян. — Определились?

— Витька вчера приходил, черепил, куда в случае чего кроватку ставить.

— Ясно, — кивнул Ян, с восторгом наблюдая, как Вася укрывает фарфоровый чайник полотенчиком.

Эта церемония была для него в новинку. Дома у родителей стоял на подоконнике белый чайник с сиротской незабудкой на боку, неиссякаемый источник заварки. Если не удавалось вытрясти ни одной капли, в чайник просто доливали кипятку раз за разом, пока из чуть склотового носика не начинало вытекать что-то совсем бесцветное. Тогда папа гордо заявлял «свежака заварю!» и удалялся в туалет вытряхивать чайники.

Покинув родительский дом, Ян перешел на пакетики, какие дают в поездах. Чай из них сильно отдавал бумагой, но Яну было в принципе без разницы, горячий да и ладно.

Вася Лазарев же подходил к делу основательно, как японская гейша. Тщательно мыл чайник, ошпаривал его кипятком, а заварку не сыпал на глазок прямо из пачки, как любой нормальный человек, а отмерял по правилу — одна ложка на человека и одна на чайник. Залив кипятком, ждал ровно пять минут, пока настоится. Раньше у них была баба на чайник, но Дима Лившиц по пьяни сжег ей подол, и теперь Вася поневоле обходился полотенцем. Вася и наполнил кружку Яна, жеманно придерживая крышечку чайника средним пальцем.

Ян положил себе две ложки сахара, энергично размешал и пригубил. Чай был ровно такой, как надо, горячий, но не обжигающий, темный, терпкий и пах летом. Божественный напиток, но Колдунов знал, что сам себе такой заваривать не будет. За шесть лет учебы в академии и за полгода командировки в Афган он совсем отвык от уютных домашних радостей.

— Надо будет скинуться им на рождение ребенка, так что ты всю стипендию не пропивай, — сказал Вася.

— Само собой.

Послышался стук входной двери, и на пороге показался Лившиц.

— Ховайся, пацаны, — меланхолически произнес он, — к нам едет батя Зейды.

— С Зейдой?

Лившиц кивнул.

— Я понял, — Вася стремительно вскочил из-за стола и скрылся в комнате.

Ян нахмурился:

— Что такое?

Дима с самым загадочным видом посмотрел в потолок и ничего не сказал.

Не прошло и минуты, как Вася выскочил из комнаты в джинсах, лет пять назад пошитых в каком-нибудь подпольном цехе славного города Владивостока, и, обуваясь, спросил:

— Яныч, идешь?

— Да в чем дело? — Колдунов никак не мог понять, в чем дело. — Зачем уходить? Я его как-то видел, вроде милейший дядечка.

— Ну да, мировой мужик, но ровно до тех пор, пока ты не откажешься с ним пить. Тогда это страшный человек, — Вася быстро застегнул «молнию», выпучил глаза и повторил: — Страшный!

— Да?

— Пока не напоит, не отстанет. Короче, если хочешь очнуться через неделю в незнакомом тебе месте, оставайся, а я пошел.

— Нет, погоди, — Ян поднялся, — Дим, ты с нами?

— А я, пожалуй, останусь, — Лившиц томно потянулся и снял шинель.

Надев ботинки, Ян сдернул с вешалки куртку и побежал вслед за Васей.

На улице было темно, серо и промозгло, словом, обычно для любого времени года в Ленинграде, не исключая лето. В глубоких черных лужах отражались городские огни, на газонах подмерзала раскисшая земля с островками ржавой пожухлой травы и горками сгнивших листьев, редкие снежинки оседали на этот мрачный пейзаж и медленно таяли, искрясь в свете фонарей. Похоже было на хлеб с горчицей, чуть присыпанный солью, и Яну захотелось есть.

— Ну что, в Яму? — сказал Вася, поправляя свою меховую шапку невыразимо желтого цвета.

Колдунов был убежден, что знаменитая Васина шапка в точности воспроизводила масть буланого конька, на котором Д'Артаньян прибыл покорять Париж, да и сам Вася, под стать юному гасконцу, был сметлив, отважен и горяч, хотя уже не так юн. Его путь в науку оказался извилист и тернист, так что, будучи ровесником Колдунова, он учился только на втором курсе. После медучилища Лазарева призвали в армию, он служил фельдшером на подвод-

ной лодке, где и зародилась его дружба с Витей Зейдой, потом остался сверхсрочником и так бы, наверное, и служил до пенсии, но на лодке произошла авария, во время которой Вася действовал смело и решительно. Его хотели наградить орденом, но быстро передумали, потому что хоть Вася герой, но лодка затонула из-за разгильдяйства экипажа, а подводная лодка — оружие коллективное, так что нечего тут. Все виноваты. С другой стороны, все-таки Василий Лазарев спас людей, поэтому ладно уж, пусть едет учиться на доктора. Вася получил направление в ВМА, поступил и радовался жизни, но иногда Ян, помогая товарищу в учебе, вздыхал и думал, что, если бы Васе все-таки дали орден, так было бы лучше для всех.

На Чернышевской фонари горели ярче, отчего казалось не так промозгло. В воздухе носился упоительный аромат из пирожковой «Колобок», и Яну захотелось свернуть туда, но Вася решительно повел его по улице Салтыкова-Щедрина к Дому офицеров, именуемому для краткости Ямой.

Вася мчался впереди, предвкушая легкую добычу, а Ян покорно следовал за ним. Он не любил знакомиться в Доме офицеров, зная, что подходящую ему девушку туда может занести только чудом, но темным слякотным вече-

ром очень грустно бродить в одиночестве по улицам...

Сидеть дома и продолжить знакомство с папой Зейды тоже был не вариант. Колдунова серьезно напугали Васины рассказы про неистовое хлебосольство Витинового отца, когда все начинается со слов «хлопчики, да вы только попробуйте», а кончается римской оргией, о которой к тому же наутро никто ничего не помнит. Нет, Ян со слишком большим трудом попал на кафедру, чтобы портить себе перспективы клеймом алкаша. Далеко не все сотрудники в восторге от его назначения, так что достаточно разок прийти на работу с похмелья или просто с перегаром, и поползет слухок, что Колдунов регулярно поддает.

Нет, надо изо всех сил держать себя в руках, чтобы не профукать шанс, выпавший ему в результате уникального стечения обстоятельств. Во время учебы в академии Ян честно зарабатывал себе место на кафедре дежурствами и научной работой, но оказался недостаточно блатным и загремел в Афганистан. Там удачно оперировал одного генерала, а тот, решив, что лейтенант Колдунов спас его от неминуемой гибели, сделал несколько звонков, и по окончании командировки Ян отправился не в расположение части, а на родную кафедру. Приняли блудного сына без особого восторга, но

в целом тепло, разве что с бывшим наставником доцентом Князевым ощущалась некоторая неловкость. Князев считал, что Ян имеет право на него обижаться за то, что он не отстаивал кандидатуру своего ученика, поэтому на всякий случай обижался сам — вполне понятная слабость. Однако научное руководство над Яном он принял, оперировать давал больше, чем раньше, а Яну ничего другого и не требовалось. В сущности, он вернулся к тому, от чего уехал, поэтому порой командировка в Афганистан казалась сном, каким-то мыльным пузырем его реальности, который то ли улетел, то ли лопнул, то ли его никогда и не было.

Никуда Ян Колдунов не уезжал из-под этих низких серых туч, пушистых, как бабушкин платок...

Внезапно Вася остановился как вкопанный, так что задумавшийся Ян чуть не налетел на него.

— Ты чего?

Вася взглянул ошалелыми глазами:

— Слушай, Яныч, иди один. А мне надо...
Ну все, пока!

Не утруждая себя дальнейшими объяснениями, Вася развернулся и побежал обратно к метро.

Проследив за ним взглядом, Ян увидел, что Вася догоняет девушку в куртке с капюшоном,

которая секунду назад прошла мимо них. Обычная девчонка, ничего такого, разве что походка хороша, легкая, летящая.

Обладая совершенно заурядной внешностью, коренастый Вася тем не менее умел произвести впечатление на дам и сейчас, кажется, не был грубо послан, потому что зашагал вместе с девушкой к метро, ни разу не обернувшись посмотреть на покинутого товарища.

— Командир, брось меня, — усмехнулся Ян ему вслед, зашел под высокую сводчатую арку с гигантским фонарем, который, зловеще поскрипывая, качался на ветру, но не горел, прикурил сигарету и задумался, что делать дальше. Идти в Дом офицеров и с Васей-то было глупо, а одному вообще идиотизм. Гулять в декабрьской тьме в принципе достойное занятие, но, когда в чужих окнах мерцает чужой уют, и отблески его падают на твою неприкаемую физиономию, становится не то чтобы совсем тоскливо, но сильно хочется под теплый плед к теплой и ласковой девушке, а нет у тебя ни того, ни другого.

Через два дома расположен кинотеатр «Спартак», там показывают старые фильмы, почти всегда хорошие, но идти в кино одному еще хуже, чем бродить по улицам.

На улице можно притвориться, что ты куда-то идешь, у тебя есть цель, а в киношке вся-

кий видит, что ты один и не знаешь, чем заняться.

Домой вообще не вариант — там праздник в самом разгаре, Витин папа нальет ему штрафную, и один бог знает, чем это кончится.

У Яна было несколько знакомых девушек, с которыми он расстался, но телефоны еще помнил, и знал, что они будут рады, если он позвонит, но грусть терзала его не настолько сильно, чтобы реанимировать скучные отношения. На всякий случай он еще раз перебрал их в памяти, вздохнул, докурил и поехал в клинику, зная, что там всегда рады лишней паре рук.

Только если день не задался с утра, то вечер мало что меняет. Открыв дверь в ординаторскую и увидев за столом ответственного дежурного хирурга, Колдунов хотел ретироваться, но не успел.

— А, Ян Александрович, милости просим, — дружелюбно сказал профессор Бахтияров.

Пришлось войти и поздороваться.

— Это очень хорошо, что вы пришли, у меня как раз есть для вас одно важное задание.

— Да? Спасибо, Сергей Васильевич!

— О, не благодарите!

Бахтияров поправил круглые очки, подчеркивающие аристократическую утонченность его черт, лучезарно улыбнулся и поднялся из-за стола.

Ян приосанился, решив, что сейчас его позовут ассистировать, а это он, слава богу, умеет делать, как никто другой. Наконец Бахтияров убедится, что Колдунова не зря взяли в аспирантуру сверх плана и посреди учебного года.

Сергей Васильевич Бахтияров был первым и единственным снобом, встреченным Яном на жизненном пути. Он действительно происходил из древнего дворянского рода, ненавязчиво кичился этим и в целом вел себя так, будто Октябрьская революция произошла не семьдесят лет назад, а вчера, и удержатся ли эти разнузданные хамы у власти, еще большой вопрос. Естественно, он был членом КПСС, и, наверное, в целом разделял идеи марксизма-ленинизма, но считал, что лучше бы пролетарии всех стран объединялись где-нибудь у себя в подвале, а руководить собой предоставили людям благородного происхождения.

В принципе, Колдунову не было дела до чужих заблуждений, но Бахтияров, не произнеся ни одного худого слова, прекрасно умел показать, кто тут хозяин, а кто жалкий лакей, с поклоном выпрашивающий пятак на водку, и свои криогенные улыбочки он расточал не только аспирантам, но даже и Князеву, который, несмотря на звучную фамилию, благородством происхождения похвастаться не мог. Возможно, между учеными мужами за годы со-

вместной работы накопились какие-то более серьезные разногласия, чем сословные предрассудки, Ян не вникал, важно другое. Как ученик Князева, он тоже обязан презирать спесивого профессора. Но не успел Ян задуматься о том, не будет ли предательством Князева, если он пойдет оперировать с Бахтияровым, как Сергей Васильевич протянул ему толстую пачку историй болезни.

— Ваши пациенты, если не ошибаюсь?

Ян быстро просмотрел фамилии и кивнул.

— Что ж, Ян Александрович, — подчеркнуто любезно проговорил Бахтияров, — будьте любезны переделать выписные эпикризы. Это прекрасно, что вы зашли сейчас, потому что служебные часы существуют для того, чтобы выполнять свои обязанности, а ошибки следует исправлять в свободное время, не так ли?

— А что не так? — возмутился Ян.

Бахтияров покачал головой и вздохнул, будто увидел перед собой неоперабельную опухоль:

— Ян Александрович, позволю себе напомнить, что вы поступили в аспирантуру, а это значит, что родина сочла вас способным к самостоятельной научной работе, и кто я такой, чтобы спорить с нею, — Бахтияров развел руками, — ну а коли вы достаточно умны, чтобы проводить серьезные исследования, то ошибку в банальном эпикризе уж точно способны за-

метить и исправить. Я тороплюсь в операционную, а вы, пожалуйста, располагайтесь и работайте. И будьте добры, пишите так, чтобы для прочтения не пришлось вызывать бригаду криптографов.

— У меня просто рука не успевает за мыслью, — буркнул Ян, садясь за письменный стол и открывая первую «историю».

Бахтияров одарил его своей фирменной улыбкой:

— Если не получается писать быстрее, думайте помедленнее. Иногда это бывает полезно.

Дав сей мудрый совет, профессор удалился.

Ян понимал, что все это делается с одной целью — унижить Князева, показав, что он набрал себе в ученики придурков, которые даже «историю» оформить не в состоянии, а лезут со свинным рылом в калашный ряд. Дали быдлу волю, и пожалуйста, наслаждайтесь плодами вседозволенности. Одного пустили из милости, и вот он уже за собой тащит не пойми кого, отпихивая достойных ребят из хороших семей. А где традиции, где преемственность поколений?

Ян еще немножко позлобствовал, но, читая эпикризы, к своей досаде, вынужден был признать, что дело не в одном только снобизме. Он и вправду не слишком любил писанину, старался скорее с ней разделаться и бежать в операционную, поэтому придраться в его эпикризах

было к чему. Именно придраться, то есть обратить внимание на недочет, а не заставить переписывать.

Но с профессором спорить бесполезно, и Ян принялся за дело, надеясь только, что исправляет именно те мелкие грешки, которые имел в виду Бахтияров. Работа спорилась, но последняя «история болезни» поставила его в тупик. Колдунов прочитал эпикриз от начала до конца, потом от конца до начала, повернул «историю» на девяносто градусов и, наконец, посмотрел на просвет, как рентгеновский снимок, но не обнаружил ни малейшего изъяна. Флегмонозный аппендицит у солдата-срочника, тут захочешь, а не напутаешь.

Ян энергично потрянул головой и снова прочитал текст. Нет, все ключевые моменты указаны: когда поступил, через сколько часов от начала заболевания, когда прооперирован, и название операции тоже есть, и что из медикаментов получал, и результаты анализов. Дежурная фраза «послеоперационный период без осложнений, заживление раны первичным натяжением, швы сняты на восьмые сутки» тоже присутствует, она вписывается уже на автомате. Что не так-то, в самом деле?

Тут его размышления были прерваны стуком в полуоткрытую дверь, и на пороге показалась Соня Бахтиярова, дочка Сергея Васильевича.

Ян вскочил. Соня нравилась ему очень сильно.
 — А папа где? — не дождавшись ответа, девушка зашла за шкаф, где у них был чайный закуток, и стала деловито расставлять на столе какие-то коробочки. — Я ему ужин принесла.

— В операционной.

— Надолго?

Ян пожал плечами.

— Ладно, придет, сам поест, не маленький, — Соня сложила пустой пакет в аккуратный квадрат и убрала в сумочку, — Ян, покурим?

— Давай.

Соня без спроса открыла форточку и легко вспрыгнула на подоконник. Ян встал рядом и, немного конфузясь, протянул ей свой пролетарский «Ту-134», но Соня без всяких ужимок вытащила сигаретку из мятой пачки.

Она была похожа на отца, с такими же тонкими чертами, высокая, стройная, длинноногая. Мать Яна называла девушек с такими фигурками «прогонистая», Яну не нравился этот эпитет, но Соне он подходил как нельзя лучше.

Соня улыбалась каким-то своим мыслям и качала длинной стройной ногой с узкой щиколоткой. Ян улыбался просто от удовольствия смотреть на нее. Сквозь табачный дымок Соня

пахла весенними цветочными духами и булочками.

За окном вдруг пошел снег, крупные тяжелые снежинки медленно падали на деревья, карнизы и чугунную ограду, превращая унылую клинику в сказочный уголок, где может произойти не чудо, конечно, но что-то очень хорошее, а в ординаторской тепло, и, если напрячь воображение, то мигающие лампы дневного света сойдут за мерцание огня в камине, и так, наверное, выглядит мир за секунду до счастья.

Ян потряс головой и быстро протянул Соне спорную «историю»:

— Глянь свежим глазом, что не так? Вроде бы классика советской аппендицитологии.

Поддаваться настроению волшебства он не хотел.

Соня нахмурилась, разбирая его каракули:

— Вроде все верно, но я рентгенолог, а не хирург.

Ян уже открыл рот, чтобы высказаться насчет баранов, которые сами не знают, чего хотят, но вспомнил, что Бахтияров ее отец, и только плечами пожал.

— Это тебе папа сказал переделать?

— Ну да.

— А, тогда все просто. Видишь, помарки у тебя. Тут зачеркнуто, тут исправлено. Просто набело перепиши, и все.

— Я что, первоклассник?

— Ты просто папу не знаешь. Это его любимая тема, — Соня засмеялась и заговорила бабовито, как бы от имени отца, — Софья, природа неравномерно распределяет свои дары, и я не могу ругать тебя за то, что тебе не досталось, например, музыкального слуха, но запомни, что способности к трудолюбию, аккуратности и дисциплине есть абсолютно у каждого человеческого существа.

— Кто я такой, чтобы с этим спорить?

— Вот именно. И поверь, проще за пять минут переписать, чем три часа слушать его занудство, что да, суров, но справедлив, и только ради твоей же пользы. Он делает из тебя человека, а ты не ценишь.

— Честно говоря, не ценю, — вздохнул Ян и полез в шкаф за чистым листом бумаги.

— А он только ради тебя старается, — Соня лукаво улыбнулась, — ну еще чуть-чуть ради дяди Вали, но только самую капельку.

— Я думал, он выше этого.

— Ну знаешь, — усмехнулась Соня, — когда тебя по носу щелкает какой-то молодой выскочка, никто не может быть выше этого.

— Это да...

Соня прыгнула с подоконника:

— Ну все, побегу. Если увидишь папу, передай привет.

Ян еще немного постоял у окна, посмотрел, как Соня выходит из дверей клиники и, оскальзываясь на узкой тропинке, осторожно идет к своей вишневой «восьмерке». Снежинки ложились на ее волнистые каштановые волосы, на плечи серого полушубка, придавая ей немножко сказочный вид. Открыв дверцу машины, она обернулась, посмотрела на окно, где стоял Колдунов, с улицы похожий, наверное, на старинный портрет. Ян помахал, Соня послала ему воздушный поцелуй, села в машину и уехала.

Ян устроился за столом и, тяжело вздыхая, начал делать из себя человека, переписывая неаккуратный эпикриз, но так замечтался о Соне, что забыл внести результаты анализов. Пришлось вытянуть из пачки новый листок.

— А в стране с бумагой напряженка, между прочим, — процитировал Ян любимый народом фильм, но, сообразив, что пачка принадлежит Бахтиярову, злорадно ухмыльнулся. Еще вспомнит старый хрыч о своих бесчинствах, когда пойдет по кафедре бумагу клянуть.

На сей раз Колдунов решил быть внимательнее, но Соня со своими кудрями и стройными ножками в модных коротеньких сапожках никак не шла из головы. Она нравилась ему, и, что важнее, Ян видел, что тоже ей небезразличен. Она красивая и умная девчонка, с ней

весело и всегда есть о чем поговорить. Мирозрение у них сходится, кроме того, Соня выросла в семье какого-никакого, но все же хирурга, с пеленок знает специфику работы и не будет в случае чего закатывать мужу сцены за поздние возвращения, бесконечные дежурства и праздники, проведенные на работе. И отдельное удовольствие думать, как взбесится Сергей Васильевич, когда узнает, что в зятя ему светит наглое и безродное хамло. Да, хочется, очень хочется поухаживать за Соней, но тут надо бить наверняка. Он, как сапер, не имеет права на ошибку. Если они с Соней начнут встречаться, а потом поймут, что не хотят быть вместе всю жизнь, то Бахтияров не станет разбираться, кто прав, кто виноват, а просто напросто костями ляжет, но добьется изгнания Колдунова с кафедры на остров Врангеля или еще куда подальше.

А тут еще эта дурацкая история с «дядей Валей», про которую Ян уже почти забыл...

Чем старше и опытнее становится врач, тем сильнее ему нравится спать по ночам в своей кровати, поэтому на молодого доктора Колдунова дежурства сыпались как из рога изобилия. Он не возражал, понимая, что настоящее мастерство приобретается только так.

Однажды ему, как обычно, передали больных под наблюдение и мимоходом попросили

«глянуть» мужичка из отдельной палаты. Поглялись, что там точно, железобетонно ничего экстренного нет, госпитализировали накануне с подозрением на острую кишечную непроходимость, но положительная динамика отчетливая, рвоты не было, а стул, наоборот, был, рентгенологически барий прошел, так что показаний к операции абсолютно нет, видно, товарищ просто съел что-нибудь, но, если Колдунов на обходе к нему зайдет, будет хорошо, потому что пациент — большая шишка.

Ян зашел, действительно не обнаружил у большой шишки никаких угрожающих симптомов и, наверное, выкинул бы этого пациента из головы, но дежурство выдалось на редкость спокойное, поэтому он заварил себе чайку из пакетика и стал думать, откуда у здорового полковника ВДВ без всякого анамнеза вдруг возникло вздутие живота, имитировавшее кишечную непроходимость, тем более, что пациент категорически отрицал любые алкогольно-питательные излишества. Ян все пил и пил чай, а из приемника его все никто не дергал и не дергал, так что он на всякий случай даже проверил, работает ли местный телефон. В общем, небывалое затишье продолжалось, и Колдунов наконец додумался до того, что причиной вздутия живота среди прочего может явиться и патология забрюшинно-

го пространства. Гематома? Опухоль? Камень застрял в мочеточнике? «Смысл гадать, если можно посмотреть», — рассудил Ян и спустился в рентгеновский кабинет, откуда выскочил если не как Архимед из ванной, но в близком к этому состоянии.

На обзорном снимке брюшной полости полковника на заднем плане виднелся разбитый в хлам первый поясничный позвонок, который никто не заметил, ибо внимание врачей было сосредоточено на кишках.

Стало ясно, что после жесткого приземления крепкие мышцы спины десантника сработали как корсет и сгладили обычную для перелома симптоматику, но обусловленная травмой забрюшинная гематома вызвала парез кишечника.

Ликуя, Ян помчался к дежурному травматологу, который тут же забрал полковника к себе в отделение и назначил лечение. Формально Колдунов ничего не нарушил, поскольку действовал в пределах своих полномочий и в интересах больного, но в смысле цеховой солидарности он оказался не совсем безупречен. Он ведь имел дело не с простым ханыгой, а с высокопоставленным и заслуженным военным, протеже и личным другом Бахтиярова, поэтому должен был сидеть тихо и только утром шепотом доложить о своих открытиях Сергею Ва-

сильевичу на ушко. В крайнем случае, если уж совсем ему не терпелось, следовало позвонить профессору домой.

Ян понимал, что в своем рвении оказался не совсем прав, но, с другой стороны, и извиняться перед Бахтияровым представлялось чем-то неловким. Простите, что выставил вас дураком перед вашим другом, от которого, может быть, зависит ваше продвижение по карьерной лестнице, так, что ли?

Глупо, ведь жизнь есть жизнь, никто не застрахован от ошибок, сегодня ты заметил чужую, а завтра кто-то исправит твою. Рабочие моменты, если за каждый извиняться, то на дело времени не хватит.

Колдунов предпочел сделать вид, будто ничего не было, Сергей Васильевич вроде бы тоже, а теперь выясняется, что нет.

...Дописав злополучный эпикриз буковка к буковке, без единой помарки, Ян сложил «историю» аккуратной стопкой и спустился в приемник. Там ничего интересного не наблюдалось, к тому же смотровые буквально кишели курсантами, и Ян понял, что сегодня ему не дадут ни оперировать, ни выспаться, ребята займут все горизонтальные поверхности вплоть до каталок и перевязочных столов.

Он поехал домой, ожидая найти там как минимум филиал Валгаллы, но квартира встре-

тила его уютной темной тишиной, когда не слышно, а скорее угадывается теплое сонное дыхание, тикает будильник, к которому ты так привык, что не замечаешь, просто знаешь, что все в твоём доме спокойно и хорошо.

Ян тихо разделся, прошел в ванную, положил мочалку на дно раковины, слегка открыл кран так, чтобы вода лилась на мочалку и никого не будила, умылся и почистил зубы.

В темноте прокрался в комнату, аккуратно обогнув бесконечные Димкины ноги, свисающие со слишком короткого для него дивана. Ян не любил зря будить людей.

— Я не сплю, — прошептал Вася со своей койки, — включай свет, если хочешь.

В свете бра Ян увидел, что Вася лежит, закинув руки за голову, и смотрит в потолок, как князь Андрей в небо Аустерлица.

— Ну что, предатель, — Ян попытался нахмуриться, но не смог, — променял?

— Променял.

Вася немного полежал, улыбаясь, а потом сказал, что девушку зовут Дина, она учится в Санитарно-гигиеническом институте, и подрабатывает в академии медсестрой, хотя Ян ни о чем его не спрашивал.

— Прикинь, судьба? В одной конторе крутимся, а встретились только сейчас, и то случайно. Такая девчонка...

На всякий случай Ян сказал, да, девчонка что надо, вытянулся на своей узкой койке, подмигнул Брюсу Ли, сурово смотрящему на него с плаката над Васиной кроватью, и выключил свет.

— Все-таки странная вещь — судьба, — веско произнес Вася в темноте.

— И не говори, — буркнул Ян и натянул одеяло на голову.

Он в судьбу не верил, хоть побывал на войне, да и в мирной жизни видал всякое, но ему никак не хотелось думать, что бытие его определяется какими-то высшими силами, которые нельзя ни увидеть, ни понять, ни договориться с ними.

Вот Вася лежит с такой одухотворенной физиономией, что чуть не светится во мраке, и думает, что господь бог специально заморочился, чтобы столкнуть их с этой Диной на улице Салтыкова-Щедрина, для чего небесному воинству пришлось выдернуть из дому бату Зейды и девушку тоже каким-то образом загнать на место встречи, в общем, выстроить адски сложную комбинацию, хотя будь Ян на месте бога, то просто вложил бы в голову Васе чуть больше мозгов, тогда он не прогуливал бы занятия и увидел Дину в их же клинике гораздо раньше.

Любовь с первого взгляда, какая глупость, просто Вася так хотел познакомиться с девушкой, что не дотерпел до Дома офицеров.

В этом мире все имеет разумное объяснение, и великая любовь, и так называемая легкая рука и чутье, и чудесные способности, которые у него признают и которым завидуют, а ведь чуда никакого-то и нет. Легкая рука — это всего лишь небольшие секретники мастерства, которыми старшие товарищи не пожалели поделиться с Яном в самом начале его работы. Как чувствовать ткани, не давить, не мять — все это лежит во вполне материальной плоскости и доступно каждому, если не лениться и быть внимательным. Так же и чутье. Очень сомнительно, что какой-то ангел ходит за тобой и дергает за рукав халата: а ну-ка, Ян, приглядишься к этому пациенту. Нет, дело обстоит почти наверняка не так, чутье приходит с опытом. Это как вязать узлы. Сначала ты мучительно думаешь, куда провести одну нить, куда другую, а через несколько дней переходишь в автоматический режим, так что, когда младшие товарищи просят показать правильную технику, требуется уже усилие, чтобы извлечь из подсознания правильную последовательность действий. Или как учишься читать — сначала буква за буквой, и кажется, что нет труднее дела, чем складывать из них слова, но проходит год, и вот ты уже выхватываешь глазами целые предложения. Опыт оседает в подсознании, вот тебе и чутье. И никакой божественной благодати... Ровно так и с любовью. Когда у людей общие

интересы, схожие ценности, когда оба человека умеют владеть собой и заботиться друг о друге, то и любовь у них с годами растет, а не угасает. Вспышки безумной страсти — это для неуравновешенных людей, которые сами не знают, чего хотят... Ян улыбнулся, вспомнив, как папа, невропатолог, в двух словах объяснил ему всю суть любви. Все строго по академику Павлову, согласно учению которого рефлекторная дуга состоит из трех звеньев: анализаторного, контактного и исполнительного. Так вот любовь — это когда ты в своем контактном, или, иначе говоря, центральном звене умеешь подавить входящий импульс, не ответить ударом на удар, не побежать сломя голову за чужой самкой.

Ян Колдунов считал, что Соня, например, нравится ему не потому, что его сразила стрела Амура или какое там у высших сил табельное оружие. Она просто хорошая девушка и подходит ему по всем статьям, а он, хочется верить, подходит ей, хоть и нет у него родословной от Рюрика. Плохо, конечно, но пользы свежей крови для вырождающихся аристократических семейств никто еще не отменял. Ян засмеялся, представив себя героем сказки «Принцесса и свинопас». Да, пора, пожалуй, переходить в наступление, а то, пока он думает, Соню уведет жених посмелее.

Конечно, немного смущает, что она девчонка, как говорится, упакованная, даже своя ма-

шина есть, а он хоть тоже мальчик из состоятельной таллинской семьи, но сам пока не имеет гроша за душой. Когда Ян учился на последнем курсе, считаясь перспективным и «своим», Князев немножко ввел его в курс дела, показал, как за хорошую работу можно получать от пациентов хорошие деньги, научил правильно разговаривать с ними и с их родственниками, объяснил, когда можно брать, когда нет, словом, преподавал науку жизни. Яну сначала это претило, но человек ко всему привыкает, а быстрее всего к комфорту, и не бывает так, чтобы он не мог объяснить свои действия с точки зрения высшей справедливости. Он освоился, привык к левым денежкам, но вышло так, что нужный человек не замолвил за Яна нужное словечко, Князев не стал биться насмерть за своего любимца, и курсант Колдунов, предусмотрительно снабженный «тройкой» по предмету «Организация здравоохранения», чтобы не претендовал на золотую медаль, загремел в Афган. И хоть по распоряжению высокопоставленного генерала вернулся на кафедру, но «своим» больше не был. Ян не сразу догадался почему, но в итоге объяснение оказалось очень простым. Генералу этому он был никто, не сын, не брат и не дальний родственник. Человек просто отплатил добром за добро, и все, дальнейшая судьба Яна ему была не интересна.

Он свой долг благодарности выполнил с лихвой. Соответственно и реакция кафедры — навязали нам героя войны, ладно, как говорится, требует — примем, а там пусть колотится, как хочет. Завалит научную работу — сам дурак.

В общем, Ян теперь находился не в том статусе, чтобы допускать его к кормушке, и, наверное, стоит поблагодарить несуществующую судьбу именно за это. У него не хватило бы силы воли отказаться от денег, а так не дают, зато совесть чистая. Но и на Князева нельзя обижаться, от неофициальных благ он Яна отличил, зато официальную часть работы выполняет на сто процентов. Больных дает, в науке помогает, обижаться не на что.

И все-таки как жениться и жить на одну аспирантскую стипендию? У него даже нормальную комнату в коммуналке снять денег не хватит, да и если бы даже и хватило, что с того — ведь Соня не поедет жить с чужими людьми. Так что придется ему заселяться в аристократическое гнездо Бахтияровых и жить там на положении бедного родственника, а за ужином слушать занудные речи Сергея Васильевича, который будет неустанно делать из Яна человека. И слова поперек нельзя будет сказать, потому что чужой хлеб надо есть с закрытым ртом.

А на службе как вести себя, если твой тесть и научный руководитель — заклятые враги?

Как лавировать между ними? Черт побери, он окажется в положении Ромео, как если бы тот не погиб, а долго и счастливо жил с Джульеттой, ежесекундно получая люлей и от тещи с тещей, и от собственной родни.

В общем, сложная тема, и, наверное, люди затем и придумали великую любовь, чтобы игнорировать такие трудности, с которыми все равно приходится жить.

Тот же Вася, который сейчас млеет от своей чудесной встречи с Диной, назовет его расчетливым циником, точнее назвал бы, если бы знал такое слово. А Ян просто старается видеть жизнь как она есть, и людей принимать такими, как есть, вот и все.

Ладно бы еще Бахтияров с Князевым просто друг друга бесили, это дело житейское, но суть в том, что сейчас решается, кто займет должность заместителя начальника академии по лечебной работе, и оба они — главные претенденты. По общему мнению, либо один станет, либо другой, шанс, что выскочит темная лошадка, ничтожен.

Оба в принципе достойные кандидаты, но в любом исходе Ян, женившись на Соне, окажется между двух огней.

Поэтому надо или срочно внушить себе, что он так любит дочку Бахтиярова, что на все остальное плевать, или оставить эту затею. И ей-богу, лучше примириться с мыслью, что он холодный

и меркантильный гаденьш, чем всю жизнь потом не знать, где сесть и как повернуться.

Сделав этот вывод, Ян погрузился в крепкий сон молодости, когда у человека за душой больше надежд, чем сожалений.

* * *

Всю неделю Вася Лазарев бегал за своей дамой, возвращаясь домой самым последним. Желтая шапка в снегу выглядела как буланый конек после изнурительной скачки, прислоненные к батарее ботинки не успевали просохнуть до утра, но в мир, где сейчас витала Васина душа, не проникала слякоть и непогода.

Наваждение нашло на бедного Василия, которого последнего из знакомых Яна можно было заподозрить в романтических порывах. Никогда раньше он не мечтал о любви, ценя в девушках веселость и доступность, а в перспективе домовитость и борщи, а вот поди ж ты...

Из любопытства Ян заглянул в клинику, где подрабатывала Дина, и только плечами пожал. Угловатая, некрасивая, со злым лицом, от чего там сходить с ума, непонятно. К тому же она в свои двадцать лет успела уже развестись, что не прибавляло ей очарования. Доктора, правда, очень ее хвалили, считали невероятно умной и ответственной, а туповатому Васе, может, как

раз необходима мудрая спутница жизни. Ладно, что там стесняться, не туповатому, а просто не-реалистичному дураку. Ян с Димой Лившицем до кровавого пота объясняют ему азы медицинской науки, а Васька, что называется, слушает, да ест. Димка так прямо и заявил однажды: «Лазарев, ты такой тупой, что точно станешь начальником академии». И, зная нынешнего начальника, Ян, ей-богу, не стал бы сбрасывать со счетов этот вариант.

Когда все оказывались дома, Николай Иванович, отец Вити Зейды, перекинув через ремень брюк посудное полотенце, обстоятельно накрывал на стол. Тут было и нежнейшее сало с тонкими розовыми прожилками, и рассыпчатая картошечка, от которой пахло домом и детством, и никогда после Ян не едал такой картошки, как варил Николай Иванович. Присутствовала и обязательная тарелочка с солеными огурцами, истекающими золотистой слезой, и крохотные белые грибочки, а к чаю густой тягучий мед. Ян немного стеснялся и переживал за старшего Зейду, что он тут кормит посторонних обормотов, когда родной сын чахнет на чужих черствых хлебах, но Николай Иванович так просто говорил «ешь, шо бачишь», что отказаться было невозможно.

Отец Вити приехал всего на неделю, и Ян с неудовольствием понял, что будет скучать по

нему, а точнее по атмосфере семейного уюта и спокойствия, которую Николай Иванович умел создать. Да, материя первична, всякие биополя и ауры — это чушь зеленая, но они с Васей и Димкой и без Зейдиного бати ели огурцы с картошкой, а такого умиротворения Ян не чувствовал с тех пор, как в семнадцать лет уехал из отчего дома поступать учиться.

Николай Иванович и родители Яны целыми днями бегали по городу, трясли старыми связями, чтобы пробить молодой семье кооперативную квартиру, но пока безуспешно, везде им отказывали, тем не менее Ян ни разу не видел отца Зейды в плохом настроении. «Шо поробишь...» — вздыхал он, вернувшись с очередным отказом, надевал фартук с ромашками, неизвестно как затесавшийся в их холостяцкое хозяйство, и, напевая, принимался готовить ужин.

Лишь в последний вечер, когда Витя приехал переночевать, чтобы утром проводить отца на вокзал, Николай Иванович достал бутылочку своего знаменитого самогона. Тут уж было невозможно отказаться, да и не хотелось.

После первой рюмки Николай Иванович вдруг загрустил:

— Смотрю я на вас, хлопцы, и думаю, такие вы молодые, совсем дети, а столько вам испытать пришлось...

— Да какой там, Николай Иванович, — отмахнулся Вася.

— Ты давай не скромничай! Ты вон тонул, Ян воевал, Витька мой с радиацией сражался, даже Яночка, дивчинка, и та в бою побывала. Только в жизнь вошли, а уже как солоно хлебнули.

— Ну теперь-то что говорить, — сказал Вася смущенно, — все позади.

Николай Иванович разлил по новой и покачал головой:

— Оно так, но вот Ян не даст соврать, раны нагнаиваются не сразу.

— Не сразу.

— И заживают не в один день. Только, как жетя, все наладилось, живи да радуйся, а прошлое как нахлынет, как придушит... Вы, хлопчики, берегите себя, а главное, держитесь друг друга, потому что самому трудно бывает справляться, а иногда и вовсе никак.

Этим вечером Ян прилично подпил, но продолжал думать над словами Николая Ивановича. В сущности, ничего нового с точки зрения физиологии сказано не было, после мобилизации всех ресурсов организма неизбежно наступает реакция, вплоть до истощения. Сын, кстати, мог бы подтвердить слова отца с научной точки зрения, ведь комбат-стресс, или, как его иногда поэтично называют, «сердце старо-

го сержанта», как раз является предметом интереса военной психиатрии.

Интересно, присутствует ли этот комбат-стресс у него самого, и если да, то как проявляется? Вот Витин папа переживает за них, да и вообще все говорят, что боевой опыт меняет человека, а он ничего подобного не чувствует. Каким помнит себя с детства, такой и есть. Да, не идеал, да, черствый, но что поделывать, таким уж уродился. И это не командировка в Афган и не медицинское образование сделали из него циника, нет, он таким уродился, поэтому и поступил в Военно-медицинскую академию, а не в какой-нибудь Литературный институт. Может быть, на какие-то вещи он смотрел в юности иначе, может, трепетало сердце, но скорее всего нет. Так что напрасно Николай Иванович кручинится о нем, все в порядке. За последний год пришлось пережить несколько трудных, даже критических минут, но они именно пережиты, так что прошлое прошло и теперь над ним не властно. Или нет? Или Ян все-таки потерял что-то важное и его душевное спокойствие сродни фантомной боли?

Ясно одно, чем больше об этом размышлять, тем быстрее свихнешься. Так можно додуматься, что Вася не просто так влюбился в девушку страшнее атомной войны, а именно из-за пережитого комбат-стресса. В одном только Николае Ивановиче прав — вместе легче.

Глава вторая

Забежав в рентгеновский кабинет, чтобы договориться о фистулографии, Ян столкнулся с Соней. В кокетливом белом халатике она сидела перед негатоскопом и описывала снимки.

— Привет! Ты теперь у нас будешь? — выпалил он.

— Временно, пока Михаил Семенович в отпуске.

— Это хорошо, — сказал Ян вежливо, хотя понятия не имел, хорошо ли это.

Михаил Семенович был опытный и ответственный доктор, а Соню Колдунов покамест знал только как красивую девушку и профессорскую дочку.

Она неопределенно пожала плечами и, шурясь, приблизила лицо почти вплотную к матово мерцающему стеклу.

— А можно рентгеноскопию с контрастом сделать? — робко поинтересовался Ян, вышколенный рентгенологами, которые дали понять, что это почти невыполнимая задача. То у врача

нет времени, то аппарата, то кабинета, и только из глубокого уважения к Колдунову, так и быть, найдем окошечко в двадцать пять секунд послезавтра, а лучше через неделю.

Соня улыбнулась:

— Конечно, тащи. Контраст у тебя свой?

Ян энергично кивнул, еще не веря своему счастью.

— Ну давай, жду. У тебя один пациент?

— Вроде бы да...

— Смотри, если что, давай сразу всех, а то потом начнется в час по чайной ложке...

— Ты меня так разбалуешь.

Соня пожала плечами:

— При чем тут ты? Просто лучше сразу сделать и забыть.

— И то правда.

Фистулография получилась отлично, Ян составил себе четкое представление о топографии свищевого хода и в качестве приятного дополнения получил неплохие снимки. Обычно на этом аппарате получались абстрактные картинки, смутные тени, а Соня сделала такое качество, что не стыдно и профессору показать.

— Ты нас точно разбалуешь, — сказал Ян, с удовольствием разглядывая снимки на негатоскопе.

Неопределенно улыбнувшись уголком рта, мол, я тебя поняла, а ты понимай, как хочешь,

Соня открыла ящик письменного стола и достала начатую шоколадку:

— Будешь? Вам, наверное, благодарные пациенты такое не носят.

— Такое — нет, — гордо приосанившись, Колдунов отломил маленький квадратик.

Соня снова заглянула в ящик:

— Ой, кстати, Ян, ты в филармонию не хочешь?

— Да, честно говоря, особо нет...

— Ладно, а то у меня тут билеты завалились на органный вечер. Ну раз не хочешь, сплавлю кому-нибудь другому.

Ян помедлил. В низкое, над самой землей окно нехотя заглядывал темный декабрьский денек, теряясь в зарослях кактусов и других тропических растений, которые росли буйно и пышно, как всегда в рентгеновских кабинетах. В этом неверном свете Соня казалась особенно красивой, смотрела ласково, и Ян подумал, как хорошо и слаженно им сейчас работалось вместе. И любви, такой, чтоб сердце расколосось, конечно, не бывает, но, черт подери, нельзя допускать и того, чтобы твои лучшие порывы души вязли во всяких страхах перед папой-профессором и прочих житейских обстоятельствах.

Он заглянул Соне в глаза:

— На органный вечер? Что ж ты сразу не сказала, это моя любимая музыка.

— Так пойдешь?

— Естественно.

— Тогда давай завтра в половину седьмого у памятника Пушкину. Насчет денег не переживай, билеты шли в нагрузку к «Спящей красавице», а на нее я уже сходила.

— А я вот ни разу не был, — вздохнул Ян, некстати вспомнив, как в третьем классе ездил с мамой на зимние каникулы в Ленинград, и мама с невероятным трудом достала билеты на этот балет, и он мечтал о походе в Кировский театр, как о сказочном путешествии, а в день спектакля проснулся с распухшим горлом и температурой сорок и, естественно, никуда не пошел. Очень возможно, что в той лихорадке как раз и сгорела вся его вера в чудеса...

— Еще сходишь, какие твои годы, — улыбнулась Соня.

Ян на всякий случай повторил время и место встречи и побежал показывать снимки Князеву.

Плохо собираться в учреждение культуры, когда ты такой себе красивый и пропорциональный мужчина, вылитый Аполлон, а друзья у тебя гигант, метр с кепкой и глиста в обмороке. Совершенно не у кого попросить приличный для храма искусства наряд. В форме Яну идти очень не хотелось, но другого выхода не было, из гражданской одежды он располагал

только джинсами, парочкой лыжных свитеров, джемпером, ковбойками и фрачной рубашкой, которую ему пару лет назад подарила девушка, о которой Ян старался лишний раз не вспоминать, слишком она была хорошая.

Редкий случай, он ушел с работы вовремя и, пользуясь тем, что дома никого, быстро принял душ, разложил в общей комнате гладильную доску и тщательно отпарил парадную форму. Начистил ботинки до зеркального блеска и остался, в общем, собой доволен. Пусть Соня сразу видит, кто он есть.

Денег у Яна оставалось негусто, он и так жил от стипендии до стипендии, а тут еще одолжил пятерку Васе, который ухаживал за своей Динной с поистине гусарским размахом. Пересчитав наличность, Ян решил, что сегодня на цветы и буфет хватит, а там как пойдет. Материя первична, никто не спорит, но по законам диалектики деньги, как самое материальное из материального, обладают одним почти мистическим свойством — появляться, когда их нет совсем и они отчаянно нужны.

Если живешь размеренно, считая каждую копейку, то денег как не было, так и нет, но когда попадаешь в полный финансовый штопор, то стоит сварить последнюю горсточку макарон, как или благодарный пациент сунет тебе в карман десятичку, или товарищ вернет долг,

о котором ты думать забыл, или приглашают на левую подработку, словом, ангел-хранитель, которого, естественно, не существует, все же не дает пропасть с концами.

Решив не мелочиться, Ян заглянул в цветочный магазин и купил три чайные розы довольно бодрого вида. Это должно сразу показать Соне, что он солидный мужчина с серьезными намерениями, а не сельский хлыщ и выскочка, как наверняка охарактеризовал его Бахтияров, узнав, с кем дочка собирается на концерт.

Ночь, темная и блестящая, как слюда, уже спустилась на площадь Искусств. В свете фонарей искрились снежные эполеты на плечах Пушкина, белели, как ребра, колонны Русского музея, а сквер и лавочки терялись в темноте, а вместе с ними и влюбленные пары. Ян перехватил свой букет и приготовился ждать, но Соня пришла без опоздания.

...Она была очень красивая в вишневом струящемся платье, легкая, как тень, загадочная и чужая, Яну даже не хотелось говорить с ней о работе. Он вдруг понял, что совсем отвык от культуры, мир театров и музеев, в который его ввели родители в детстве, сделался ему чужд, не то чтобы неприятен, просто Ян перестал ощущать себя его частью. Все эти

люстры, колонны, сводчатые залы, мрамор стали казаться ему осколком прошлого, глупой декорацией и фальшивкой, которой люди в страхе заслоняются от неумолимого хода времени. От этой мысли стало горько, и Соня, наверное, тоже почувствовала что-то в этом роде, потому что молчала до самого начала концерта.

Ян не особенно любил классическую музыку и готовился скучать и думать о своем, благо натренировался в этом деле на дурацких, но обязательных лекциях по философии.

Он сочувственно подмигнул своей соседке, пухлощекой девочке, застывшей под ястребиным взглядом пожилой дамы в броне из самоцветов, очевидно, бабушки. Ребенок хихикнул, а бабка так сурово зыркнула на Яна, что он усталился на сцену, приняв самый одухотворенный вид, на который только был способен.

Концерт начался.

Колдунов прослушал даму-конферансье, и программку тоже почему-то забыл купить, поэтому не понял, какое произведение исполняется. Хотел тихонечко спросить у Сони, склонился к ней, почувствовал щекой легкие завитки ее волос, и раздумал.

Соня положила руку на его запястье. Ладонь была сухая и теплая, и Ян прикрыл глаза.